

УДК 811.11

А.В. ЛИХАЧЕВА

(anna-lihachova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПЕРСониФИКАЦИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАССКАЗЕ «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО КЛИНГЗОРА» И РОМАНЕ «СИДДХАРТХА. ИНДИЙСКАЯ ПОЭМА» Г. ГЕССЕ*

При анализе произведений немецко-швейцарского писателя Германа Гессе «Последнее лето Клингзора» и «Сиддхартха. Индийская поэма» было выявлено художественное своеобразие персонификации как основного средства передачи образности мысли автора и соответствующего воздействия на читателя. Наиболее часто персонифицируются небесные тела (луна, солнце и звезды), день и река. Выявлен высокий прагматический потенциал персонифицируемых природных явлений. Определены их ассоциативные признаки.

Ключевые слова: персонификация, метафора, автор, читатель, протагонист, текст, текстовой пассаж, эмоция, чувство, природа.

Значительное место современными филологами при описании идиолекта того или иного писателя, поэта уделяется фигурам речи, в частности метафоре, что продиктовано весомым прагматическим потенциалом данного стилистического ресурса языка. Этим обстоятельством обусловлен наш выбор персонификации как достаточно часто используемой фигуры речи в произведениях Германа Гессе (1877–1962 гг.) – выдающегося немецкоязычного писателя XX в.

Актуальность представленного материала нам видится в том, что в отечественной германистике редко обращались к персонификации как стилистическому средству, активно используемому (как показывают результаты нашего предыдущего исследования, см.: [6, с. 72–75]) в прозе Г. Гессе, в частности в романе «Сиддхартха. Индийская поэма» и в рассказе «Последнее лето Клингзора». *Объект* работы – текстовые пассажи из указанного романа, включающие персонификацию. *Научная новизна* темы нашей статьи состоит, на наш взгляд, во-первых, в определении наиболее часто персонифицированных явлений в индивидуально-авторской картине мира Германа Гессе, во-вторых, в выявлении ряда ассоциативных признаков, ими вызываемых. *Практическую значимость* исследования мы видим в возможности использования полученных результатов в преподавании стилистики немецкого языка и риторики.

В работе были использованы следующие исследовательские методы и приемы: 1) *интерпретативный анализ*, 2) *контекстуальный анализ* и 3) прием *количественного подсчета*.

Заметим, что художественно-образительные средства языка, как показывает ознакомление с научной литературой [1, с. 333–343; 4, с. 211–216; 5, с. 121–136; 7, с. 185–189] традиционно приковывают внимание филологов.

Герман Гессе активно использует тропы, в том числе персонификацию, как способ художественного изображения душевного состояния и эмоций протагониста через различные явления природы. Окружающие неодушевленные предметы могут проецировать на себя внутренние переживания человека или же идти вразрез с эмоциональным фоном протагониста, создавая тем самым контраст. Оба приема служат для усиления передачи человеческих эмоций, но с разным вектором проявления. Прагматический потенциал персонификации в художественном произведении состоит в том, что использование данной фигуры речи способно повлиять на читателя, вызвать в нем богатую гамму чувств и ассоциаций.

В процессе исследования мы преследовали следующие *задачи*: обобщить теоретические основы, связанные с характеристикой метафоры; выявить художественное своеобразие творчества Г. Гессе; установить примеры персонификации из рассказа «Последнее лето Клингзора» и романа «Сиддхартха.

* Работа выполнена под руководством Красавского Н.А., доктора филологических наук, профессора кафедры немецкого языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Индийская поэма» Г. Гессе, а также проанализировать их использование в целях обнаружения создаваемых писателем образов и воздействия на читателя; обосновать важность применения персонификации в указанных выше произведениях.

Для анализа такого интересного и многогранного стилистического средства, как персонификация, мы обратились к рассказу Германа Гессе «Последнее лето Клингзора» (*Klingsors letzter Sommer*) [11]. В нем было обнаружено достаточно большое количество примеров использования персонификации (15 речевых высказываний). Особенно часто персонификации подвергаются небесные тела, такие как луна и звезды. Писателю важно донести до читателя мысль о том, что луна, находящаяся в бесконечном небосводе, не так далека, как нам кажется. Она, как старый мудрый друг, всегда рядом, готова уделить время человеку и поддержать его в трудную минуту. Описывая жизнь главного героя рассказа Клингзора Герман Гессе очень точно изобразил мудрость и непоколебимость характера луны. Мы можем видеть, что она не отражает внутреннее состояние протагониста, как это делают, например, постоянно изменчивые облака в романе «Петер Каменцинд», в унисон подпевая мелодии души главного героя (см. подробнее: [6, с. 72–75]). Здесь же гордая луна живет «сама по себе», она обособлена, чувствуется ее власть в это время суток и своего рода покровительство над всем человечеством. В силу законов природы она приходит только ночью, чтобы позволить человеку отдохнуть, вдоволь повеселиться, поделиться самыми сокровенными тайнами души. А после рассвета она все так же близка, все так же готова помочь ему, только лишь скрыта под покровом дня. Луна видит всё и знает обо всем, но как лучший друг она ни за что не предаст, не выдаст секрета, доверенного ей. Хорошей языковой иллюстрацией сказанному служит, на наш взгляд, следующее предложение *“Sie machen es in der Nacht, niemand sieht sie als der Mond, der verrät sie nicht, und die Sterne, die sind stumm, und der liebe Gott, der wird ihnen schon verzeihen”* [11]. Автор использует антропоморфный глагол, обозначающий человеческое действие, связанный с воспроизведением речи и поступком человека *nicht verraten* (не выдавать). Создается впечатление, что данное явление природы способно общаться с помощью языка и может раскрыть чью-либо тайну, но луна не делает этого, потому что это не в её правилах. Сложившийся у нас как читателя во время прочтения образ луны в этом произведении формирует наше положительное восприятие этого обладающего благородными чертами небесного тела, поскольку все действия, метафорично совершаемые им, считываются человеческим мозгом с уже укоренившимися нормами морали и паттернами поведения в обществе как действия с нейтральной или положительной коннотацией. Луна не выдает, она хранит молчание – значит, ей можно доверять. Это чувство возникает в поведении протагониста, а также у самого читателя-интерпретатора.

Наряду с луной Г. Гессе описаны её первые помощники – звезды. Они в ранее приведенном текстовом пассаже представлены немymi (*stumm*), что является описанием человеческого недостатка. Рассматривая эти небесные тела в прагматическом аспекте, можно заключить, что они не воспринимаются нами столь величаво, как луна. Это своего рода «парный» образ, уже давно устоявшийся в природе и соответственно в художественной литературе, который редко разделяется и зачастую состоит из двух основных элементов – луны и звезд. Явный, но неуловимый человеческим сознанием контраст помогает писателю донести до читателя более четкий образ этих феноменов и разделить их по степени доминантности. Читатель автоматически проводит параллель и расставляет приоритеты, формируя собственное отношение к этим явлениям. Луна – нечто недостижимое, единственное в своем роде, это могучий и величественный владыка ночи. Звезды же блекнут на его фоне, поэтому они воспринимаются читателем как помощники, имеющие неисчислимое количество братьев и сестер. На основании сопоставления этих феноменов читатель рисует образ небесного доминанта (т. е. луны) и менее выделяющегося в этой паре – звезд. Использование же персонификации добавляет данным образам живость и приближенность к человеку. Иными словами, небесные тела приобретают яркие антропоморфические признаки, тем самым повышая прагматический эффект соответствующего текстового пассажа.

Полагаем, что не менее удачным художественным примером очеловечивания объекта действительности является предложение, содержащее выражение *Antwort kommt von...* (ответ исходит от = отвечать), которое можно заменить глаголом *antworten* (отвечать), т. е. таким типом глагола, который описывает человеческую деятельность. Предложение звучит следующим образом: “*Antwort kam von Stern und Mond, von Baum und Gebirg, Goethe saß da und Hafis, heiß duftete Ägypten und innig Griechenland herauf...*” [11]. Здесь опять же прослеживается своего рода диалог протагониста с луной и звездами, они отвечают протагонисту, способствуя тем самым возникновению эффекта доверительных отношений между ними. В сознании читателя создается приятный эмоциональный фон с ощущением радости за героя и его возможности получить поддержку от частички вселенной.

Высокохудожественное изображение этого небесного светила пером Г. Гессе служит тому, что луна воспринимается читателем в качестве друга протагониста. Так, в частности, в предложении “*Li Tai Pe, auch wenn du jeden Tag dreihundert Becher leerst und mit dem Monde anstößt*” [Там же] с луной, как оказывается, можно по-дружески беседовать, даже чокаться (*anstößen*) как с лучшим приятелем. Этот глагол описывает действие, принятое зачастую в неформальной, даже интимной обстановке в компании близких людей. Благодаря употреблению этой лексемы по отношению в сознании читателя пробуждается чувство близости и сопричастности небесного светила к празднеству. Таким образом, персонификация, если так можно выразиться, очеловечивает объект природного мира, делает его более живым, близким по духу нам, людям.

Показательно, на наш взгляд, по своему эффекту, оказываемому на читателя, следующее предложение: “*Genau so ist es zur Zeit hier bei uns: Sonne und Mond rennen gehetzt wie Amokläufer über den Himmel, die Tage jagen sich, die Zeit läuft einem davon, wie durch ein Loch im Sack*” [Там же]. Здесь автор использует персонификацию луны и еще одного небесного тела – солнца в купе с глаголами движения, такими как *rennen* (мчаться) и *hetzen* (гнать). Данные лексемы добавляют действию темп, благодаря чему предложение несет в себе потенциальные характеристики быстроты и некоего хаоса. Под приведенным метафоричным описанием подразумевается быстрая смена дня и ночи. Эффект усиливается за счет использования бессоюзного типа сложного предложения. Череда глаголов, обозначающих действие, используется без соединяющих союзов, способствующие плавному восприятию изложения, отсюда возникает ощущение резкости, своего рода «чеканки» простых частей данного сложного предложения. По этой причине темп чтения увеличивается, сюжет все более и более накаляется. Такая большая концентрация стилистических приемов в одном предложении нацелена на реализацию автором интенции повлиять на читателя, вызвать в нем определенные чувства. Г. Гессе использует целый комплекс лексических и синтаксических стилистических средств, которые помогают повысить прагматическую ценность данного предложения.

Заслуживает внимания, по нашему мнению, и следующее предложение с применением персонификации: “*im Eilschritt tanzte fiebernd der feuchte Mond über die Himmelshalbkugel, von den Sternen im wilden schweigenden Tanz verfolgt*” [Там же]. Здесь автор использует глаголы *tanzen*, *verfolgen* для описания деятельности небесных тел: *der Mond tanzte, von den Sternen verfolgt* (луна танцевала, гонимая звездами). Образность картины в приведенном текстовом пассаже дополняется наличием эпитетов (*feucht, wild*) с целью усиления прагматического эффекта, создания ощущения всепоглощающего драйва, ведущего к изнемогающей усталости, истоме. Совокупность глаголов, обозначающих быстрые телодвижения, и таких же ярких по смыслу вспомогательных средств художественной выразительности (в данном случае эпитетов) позволяют автору успешно погрузить читателя в описанное ощущение, которое отразится на скорости чтения, а также на изменении отношения читателя к луне и звездам. Ранее созданный образ этих небесных тел дополняется определенными характеристиками (индивидуально-авторскими признаками), например, такими, как некое безрассудство, которое особенно сильно, если так можно выразиться, разбавляет сложившийся образ луны, представленный автором в виде спокойного, мудрого друга.

Помимо персонификации небесных тел немецко-швейцарский писатель использует данное стилистическое средство для описания ключевых в данном рассказе единиц измерения длительности жизни главного героя Клингзора. Этими условными единицами являются дни, которые проживает протагонист в свое последнее лето перед смертью. Условно, счет идет на дни, и главный герой провел их так, как хотелось его душе. Они насыщены и детально, с мельчайшими подробностями описываются автором, каждый день по-своему уникален. Поскольку протагонист – художник, созерцатель, то любой (даже казалось бы ничем не примечательный) день не пройдет без его внимания и не будет не оценен, т. к. даже самая незначительная (на первый взгляд!) мелочь будет замечена зорким взглядом творца.

Поистине виртуозно Герман Гессе использует персонификацию в качестве художественно-изобразительного инструмента для отображения такого уже незаметного, рутинного и приевшегося вследствие основополагающего, неизменного закона о течении времени, понятия, как «день». Дни приобретают ту или иную окраску в человеческом сознании благодаря определенным событиям, которые наполняют его и оставляют какой-то отпечаток в человеческой памяти. Это своего рода сосуд, который обрамляет череду объективно сложившихся ситуаций, несет в себе определенную ценность и имеет характеристику, которая отражает субъективное видение и оценку, даваемое тем или иным человеком. Потенциально это понятие не имеет коннотации, оно узуально нейтрально. Однако в определенном контексте человек может наделить его положительными или же отрицательными характеристиками. В видении Германа Гессе день – это ни что иное, как представитель живого, то, что имеет свое «Я». День наделяется человеческими характеристиками, осуществляя действия, которые присущи только человеческой природе. Отсюда и возникающее чувство того, что данное время суток, как и любой человек, имеет свое определенное настроение, эмоции, которые можно передать через действие. В качестве примера возьмем предложение “Augen schmerzten, aber in seinem Herzen sang der Sommertag, sang die sarazenische Mutter, sang blau und schwellend der Traum von Karenno” [11]. Мы видим, что благодаря персонификации писателю удается очеловечить день. Здесь автор удачно с художественной точки зрения использует глагол *singen* (петь) вкупе с неодушевленным и, более того, необозримым, абстрактным объектом нашей действительности, что вызывает диссонанс из-за невозможности представить четкую картину в нашем сознании. Очень сложно соотнести такое неточное, расплывчатое, содержащее много элементов слово “*der Tag*” (день) с таким прозрачным по смыслу действием, как «петь». Электронный словарь Duden и словарь С.И. Ожегова сходятся в формулировках первых двух значений этого слова и дают нам следующие определения. Слово “*der Tag*” имеет несколько значений, но только первые два вписываются в имеющийся контекст. Значения этого слова в словаре Duden трактуются так: 1) “Zeitraum etwa zwischen Sonnenaufgang und Sonnenuntergang, zwischen Beginn der Morgendämmerung und Einbruch der Dunkelheit”; 2) “Zeitraum von Mitternacht bis Mitternacht, Zeitraum von 24 Stunden, in dem sich die Erde einmal ganz um ihre Achse dreht” [9]. «День» может рассматриваться как промежуток времени от восхода до заката Солнца, между утром и вечером [8]. Второе из многочисленных значений описывает «день» как синоним слова «сутки», что включает в себя образ не только светлого, солнечного как в первом значении, но и темного, ночного, поскольку сутки неизменно состоят из двух элементов – дня и ночи. Опять же, если рассматривать это слово в первом значении, то среднестатистические ассоциации со словом день – это солнце, лучи, ясное небо. Но ведь это время суток вовсе не должно включать в себя понятие «хорошая погода». Погодные условия могут быть разными, днем может быть солнечно, но точно так же возможен и непрекращающийся ливень с громом и молнией на фоне заволочших грозными тучами неба. В данном случае образ в сознании уже не настолько яркий, он темный, несущий в себе неприятные эмоции, ассоциирующиеся с плохой погодой. Но день так и остается днем по определению, несмотря на погоду. Понимание этого факта есть в человеческом сознании. Но, вероятно, для того чтобы было проще дифференцировать день и ночь, наш мозг «высыпает» целую гамму явлений, предметов и цветов, контрастирующих ночи. Слово «день» во втором значении со всеми сюда относящимися признаками, которые оно описывают, всплывает в нашем сознании уже не в первую очередь. Более того, образ в данном случае возникает более абстрактный,

его крайне сложно отобразить, например, нарисовав на бумаге. Таким образом, при чтении текстового пассажа не легко сконструировать точную картину, которая бы соответствовала описанию такого комплексного по значению слова, как «сутки». В вышеуказанном примере возникает полисемия, которая не позволяет читателю четко определить значение слова «день». Принято считать, что контекст избавляет читателя от многозначности слова. Но контекст, использующийся в данном пассаже, все же не позволяет идентифицировать значение этого слова. Он лишь помогает отсеять остальные значения, в корне отличающиеся от анализируемых двух. По этой причине возможно появление в сознании читающих абсолютно самых различных ассоциаций, фантазий, естественным образом зависящих от эмоционального состояния человека, отношения к жизни и т. д. Здесь автор играет со значениями и позволяет своим читателям оторваться от четких образов, создать свое представление описанной ситуации. Различные стилистические средства, такие как метафора, в частности ее подвид персонификация, помогают в данном случае писателю направить вектор полета фантазии читателя, вызвав определенные чувства, часто глубокие душевные волнения.

Для более полного описания роли персонификации в идиолекте культового писателя мы взяли для анализа его еще одно произведение – роман-притчу «Сиддхартха. Индийская поэма» [10]. Оно содержит в себе философские размышления с множеством идей, которые в полной мере отражают восточный образ мысли, излагаемый западным человеком.

При чтении этого художественного произведения происходит осознание того, что оно хотя и основывается частично на древних писаниях, все же является вымыслом, и все сюжетные повороты были рождены воображением автора. Множество идей, мыслей обернуты в «оболочку», состоящую из метафор, символов, аллегорий. Произведение богато мудрыми изречениями, которые подталкивают читателя к серьезным размышлениям. В силу завуалированности этих мыслей и преподнесении их в соответствии с уже сформировавшимся идиостилем Германа Гессе глубина размышлений и радиус интерпретаций довольно широк. Основные тезисы взяты писателем из первоисточников, священных писаний, а также были выведены самостоятельно автором.

В упомянутом романе особенно часто используется метафоризация тех или иных истин, равно как и предметов действительности. В отличие от метафоры персонификация не является одним из самых распространенных средств художественной выразительности в данном романе. Персонификации подвергается только один природный объект – река. Несмотря на скудное количество примеров этого стилистического приема, его значимость крайне высока. Персонификация способствует раскрытию важности этого объекта природы в сознании протагониста и подталкивает его к выведению глубоких, самостоятельных умозаключений. Река – это источник жизненной мудрости, который учит человека, раскрывает ему глаза на этот мир. Именно этот природный объект играет ключевую роль в романе и наделен особыми правами вывести человека на «путь истинный». Не случайно протагонист встречается с рекой на разных этапах своей жизни, постоянно возвращаясь к ней. Человек должен самостоятельно пройти все жизненные перипетии судьбы, совершая ошибки и страдая. Но важно понимать, что без этого невозможно прийти к чему-то высшему, постичь мудрость, которой в данном произведении учит именно река.

В романе живой образ реки складывается в основном из использования глаголов человеческой деятельности в описании действий этого объекта природы. В качестве примера можно привести предложение *“Ihm schien, es habe der Fluss ihm etwas Besonderes zu sagen, etwas, das er noch nicht wisse, das noch auf ihn warte”* [10]. Здесь использован глагол *sagen* (сказать), что позволяет читателю выстроить образ реки как чего-то живого, что имеет намерение сказать что-то очень важное.

Далее рассмотрим во многом аналогичный пример с большим количеством подобных глаголов: *“Er hatte gemerkt, dass des Flusses Stimme zu ihm sprach, von ihr lernte er, sie erzog und lehrte ihn”* [Там же]. В данном предложении автор использует такие глаголы, как *sprechen*, *erziehen*, *lehren* (говорить, воспитывать, учить). Благодаря им река представляется не как неодушевленный предмет действительности, а как учитель, наставник, являющийся воплощением знаний и мудрости.

Река – нечто совершенное, но при этом для человека вполне достигаемое и постигаемое. В этом образе сочетаются необычайно великое могущество мудрости, некий идеал, который всегда остается недостижимым и является лишь путеводной звездой в жизни человека, к которой можно только стремиться, а также легкая способность этой мудрости научиться. Опираясь на фабулу романа, этой способности учит проводник к великому – перевозчик Васудева. Именно он помогает протагонисту взглянуть на вещи под другим углом, в том числе и на реку, по которой люди переправляются, используя ее как ресурс, не одарив ее ни взором внимания и не отдав должного уважения.

Анализ материала позволяет сделать вывод, что персонификация – способ отражения субъективного отношения автора текста к окружающей действительности. Анализ этого языкового явления позволяет читателю углубиться во внутренние переживания автора, его персонажей. Помимо этого данный троп служит действенным инструментом для достижения определенного эффекта, задуманного автором. Именно по этой причине персонификация столь релевантна для раскрытия образов персонажей, самой авторской идеи. Этим обстоятельством объясняется ее широко применение в художественной литературе и, в особенности, в творчестве Германа Гессе.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Сер.: литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.
2. Гессе Г. Последнее лето Клингзора: повести / пер. с нем. С. Апта; Предисл. Н. Павловой. М.: Известия, 1986.
3. Гессе Г. Сиддхартха: Индийская поэма / пер. с нем. Г.Б. Ноткина. СПб.: Азбука, 1999.
4. Красавский Н.А. Метафора как способ экспликации ревности в русских и немецких художественных текстах // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2020. № 1(144). С. 211–216.
5. Красавский Н.А., Москалев И.Ю. Эпитет и метафора как художественно-выразительные средства идиостиля Артура Шницлера // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журнал. 2021. № 64. С. 121–136. [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/064/9_64.pdf (дата обращения: 20.01.2022).
6. Лихачева А.В. Персонификация гор и облаков в романе Германа Гессе «Петер Каменцинд»: лингвопрагматический аспект // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2021. № 5(40). С. 72–75. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1635341019.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Макарова О.С., Тютюнова О.Н. Метафорическое воплощение индивидуально-авторских концептов Ф. Ницше «человек», «совесть», «дух», «добродетель» сквозь призму судебного дискурса // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2020. № 2(145). С. 185–189.
8. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/> (дата обращения: 20.01.2022).
9. Duden: [сайт]. URL: <http://www.duden.de/>.
10. Hermann Hesse Siddhartha, Suhrkamp Verlag, 2013.
11. Klingsors letzter Sommer Erzählungen von Hermann Hesse, Suhrkamp Verlag, 1920.

ANNA LIKHACHEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PERSONIFICATION OF NATURAL PHENOMENA IN THE STORY “KLINGSOR’S LAST SUMMER” AND THE NOVEL “SIDDHARTHA. AN INDIAN POEM” BY H. HESSE

While analyzing the works “Klingsor’s Last Summer” and “Siddhartha. An Indian Poem” by the German-Swiss writer, H. Hesse, there was revealed the fictional specific features of the personification as a basic means of the transmit of the figurativeness of the author’s thought and the corresponding influence on the reader. There are often personified the heavenly bodies (the moon, the sun and stars), day and river. There is revealed a high pragmatic potential of the personified natural phenomena. The author defines their associative criteria.

Key words: personification, metaphor, author, reader, protagonist, text, text passage, emotion, feeling, nature.